

ЛАРС ГЕРТ

АРЕС И
АНТАРЕС

12+

Lars Gert

Арес и Антарес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68259364

SelfPub; 2022

Аннотация

Учёного отправляют на Марс – по официальной версии он оказался достойным чести работать индивидуально, и сможет собственноручно приоткрыть завесу тайн, окружающих красную планету. По догадкам самого учёного это ссылка, ибо дерзкий одиночка оказался неугоден мировому учёному сообществу. Этот учёный совершает открытие за открытием; он в предвкушении славы. Однако все планы ему путает красный сверхгигант Антарес, невесть откуда взявшийся. Эта умирающая звезда, всё время двигаясь и расширяясь, уничтожает всё на своём пути. Скоро она доберётся и до учёного...

Lars Gert

Арес и Антарес

Моё назначение оказалось как нельзя кстати: наконец-то учёный мир и мировая общественность признали меня единственным, кто достоин отправиться на *Марс* в рамках новой исследовательской программы. Да, я слишком долго к этому шёл, но лучше поздно, чем никогда – 2020-ый год принёс мне долгожданную удачу.

Потихоньку, не спеша я начал собираться в путь неблизкий, путь далёкий, но тут моё второе «я», сидевшее в моём мозгу, внезапно решило испортить мне настроение:

– Наивный глупец! Они попросту хотят избавиться от тебя. Помни, гений, что твой удачливый билет – билет в один конец; уверен ли ты, что сможешь вернуться обратно?

Но я и без того знал, что имею высокие шансы не вернуться на Землю, тогда как вероятность не остаться на Марсе навеки ничтожно мала.

Ранним утром я проснулся, и после моциона скромно позавтракал в гордом одиночестве – встаю я с первыми лучами Солнца, ближайшей к нам звезды. Я собрал в сумку всё самое необходимое, выключил персональный компьютер и вынул все штепсели из розеток. Заправил кровать, наглухо закрыл все ставни и задвинул занавески. После я ещё раз прошествовал на кухню и в ванную, дабы удостовериться, что

все краны надёжно закрыты – человек я щепетильный, и поступаю так всякий раз (даже когда просто иду в ближайший магазин).

«С Богом», мысленно напутствовал я сам себя, спускаясь на ещё безлюдную улицу; улицу, воздух которой ещё не загажен выхлопными газами автомашин.

Поймав такси, я велел отвезти меня за город – для того, чтобы сесть в другое такси, которое примчало меня прямым ходом к *космодрому*.

Уже пешком я проследовал к *ангару №...*, где меня уже ждали великие и светлые умы, любезно пригласившие меня посетить *Красную планету*.

Их лицемерные рукопожатия, их натянутые улыбки, их презрительный и одновременно завистливый взгляд, их снисходительная речь – как же я их ненавижу! Впрочем, как и они меня; неприязнь наша взаимна. Эти *ксенологи*, эти *астронавты*, эти псевдоучёные и бюрократы были единым целым – корпорацией; коллективом, в который я, одиночка, так и не смог влиться.

Эти люди без угрызений совести сотрудничали с правительством, выполняя все его прихоти; эти люди вводили массы в заблуждение, наводнив СМИ рассказами, побасёнками про пришельцев и опыты над ними... Бред чистой воды, ибо единственный разум, что витает во Вселенной – это наш разум, людской разум. Другого доказать не удалось; научно и объективно наличие иных форм, иных измерений не под-

тверждено. Мы одни.

– Я рад, что ты согласился на наше предложение, *Клинуотер*. – Сказала мне не последняя фигура в корпорации, протягивая мне свою продажную ладонь.

– Рад?! – Переспросил я, глядя прямо в глаза.

Тот человек в смущении отвёл свой взгляд, ибо понял, на что я намекаю: я им как заноза в одном месте, как кость в горле, ибо всегда себе на уме, своя голова на плечах; стадному чувству не подвержен. Возможно, я последний из могикан – единственный неподкупный, не продажный учёный; уцелевший ас и профи своего дела, проводящий независимые экспертизы – тот, кого не смогла поглотить неумолимая, бессердечная машина глобализации.

Несмотря на то, что я чётко понимал, что мой полёт – ссылка, изгнание, я ликовал в глубине своей души: без меня они окончательно захлебнутся в своей некомпетенции, в своих самоповторах. У них уже кризис идей, а выделяемые правительством средства идут либо в широкий карман, либо на сомнительного рода программы.

Я же, ступая ногой на борт *шаттла*, только улыбался: да, я погибну; всё может быть. Но я погибну во имя науки, настоящей науки; погибну, как герой, за правое дело, ибо для меня честь послужить во благо. Я с радостью принимаю брошенный мне вызов, чтобы трудиться на планете столь далёкой и столь чужой, но столь близкой и столь полюбившейся, как бы абсурдно это не звучало.

Итак, я уже внутри *космического звездолёта*. Боюсь ли я? Не знаю, ибо прежде все свои исследования я производил на Земле.

На Марсе мне предстоит взять на тщательный анализ частички грунта, хотя с этой работой вполне справляются и *марсоходы*. Мне же необходимо вонзить свой бур на такую глубину, какая не снилась этим ползающим механизмам.

Другой моей задачей было выяснить истинную причину возникновения *пояса астероидов* – действительно ли *гравитация* и *электромагнитные возмущения Юпитера* разрушили теоретическую планету *Фэтон*, или же нет. Также я хочу собственноручно зафиксировать восходы и заходы *Фобоса* и *Деймоса* – что-то не доверяю я всей этой автоматизированной технике и электронике; человеческий глаз – наилучший объектив.

Третьей моей целью является постоянное и пристальное наблюдение за *красными гигантами* – *Антаресом*, *Арктуром*, *Бетельгейзе* и некоторых других. Наблюдение за ними должно вестись именно с поверхности Марса (игнорируя аппараты, которые, получив *третью космическую скорость*, погрузились в *глубокий космос* и вплотную приблизились к тем объектам).

Я чувствовал некий подвох; давно догадываюсь, что все эти якобы важные поручения – лишь предлог держать меня на Марсе как можно дольше, ведь поручения эти – явно сомнительного характера и позор для настоящего светила на-

уки вроде меня. Не то, чтобы я себя хвалю, но цену себе я знаю.

Через два с половиной года, в августе 2022 года я приземлился на марсианскую поверхность в самом, пожалуй, оптимальном месте – это *экватор*, станция *Солярис*, где перепады, суточные колебания температур не столь значительны. Более того, днём воздух может прогреться до плюс двадцати градусов по шкале шведа Цельсия. Правда, как я там буду жить, ума не приложу: *водяной лёд* расположен слишком далеко, в *полярных шапках*. Вся надежда на гейзеры; надеюсь, где-нибудь тут есть хоть один такой источник.

На Земле нас, разумеется, тренировали – как сейчас помню себя в одной команде с китайцем и афроамериканкой. Тот китаец оказался весьма умён, и мы вели с ним длительные дискуссии. А вот с напарницей не сложилось, ибо мы то и дело ругались – на пустом месте, из-за всякой ерунды.

Сейчас я слишком далеко от Земли – за два с лишним миллиона километров. И только здесь, на *Красной планете* я скоро пойму, что по сравнению с её холодами на станции *Полярис* минус девяносто на антарктической станции «Восток» – суший пустяк...

Итак, Марс встретил меня – встретил фантастически *фиолетовым небом*, которое я тут же немедленно запечатлел на плёнку.

Кирпичного цвета земля, на которую ступила моя нога, показалась мне очень старой, очень древней даже визуаль-

но. Безжизненная, брошенная, без намёка на хоть одно насекомое, пустынный кактус и глоток воды. Сплошная Сахара, только площадью со всю сушу Земли... И я – единственное живое существо под палящим Солнцем. Палящим Солнцем? Здесь я, конечно же, несколько слукавил.

Я хотел сразу же приступить к своей работе, но, как назло, началась сильнейшая *пыльная буря* – я едва успел забраться в свой звездолёт. И видел я через иллюминаторы *жёлто-оранжевое небо* ещё двое или трое суток.

Чтобы не терять времени зря, я подготовил всё необходимое для дальнейших своих разработок. И всё это время я вёл дневник.

Дни шли, а я, настроив телескоп должным образом, искал на небосводе красные звёзды, удалённые на десятки миллионов *световых лет* отсюда. Вот, я уже вижу Антарес и делаю кое-какие пометки.

Как специалист по *красным сверхгигантам*, я наблюдал *Сатевис* и раньше – правда, для этого мне пришлось оформить командировочный лист и выехать из Санкт-Петербурга в Челябинскую область. Это было в далёком уже 2013-ом – я запомнил эту дату, поскольку именно в тот период возник ажиотаж на фоне падения метеорита. В тот раз моё руководство нисколько не воспрепятствовало моим изысканиям – напротив, они посчитали, что там, изучая породу метеорита непосредственно на месте его падения, я буду гораздо полезнее, нежели в закрытой лаборатории города на Неве.

И под предлогом изучения Челябинского метеорита (впрочем, действительно его изучая) я ночами смотрел в телескоп, исследуя газовую сферу низкой плотности, благо у меня в местной обсерватории был хороший знакомый.

Проснулся я оттого, что в моём сне на ярко-красный теннисный мячик надвигается какая-то огромная тень, и пожирает его. Дурное предчувствие... Бред! Какие суеверия в двадцать первом веке?

Я завёл свой *бот* и погрузил бур в породу – так я делаю уже не раз, и за всё (пусть недолгое) время моего пребывания здесь я продвинулся на семь километров вглубь. При этом я не переставал поражаться схожести Земли и Марса, этих двух планет земной группы; планет с твёрдой, а не газовой, поверхностью.

Та же почва, тот же *базальт*... Всё примерно то же самое! Только ни намёка на воду, флору и фауну. Марс – это прошлое Земли (и его будущее); Марс – старая, уставшая от жизни Земля, лишившаяся гидросферы и, частично, атмосферы.

Я продолжаю трудиться, продолжаю работать; направление выбрано верно. Я уже пожинаю плоды своих опытов, своих усердных стараний.

Если я вернусь, то поведаю всему человечеству о величайшем своём открытии, о гениальном достижении: Марс – одних размеров с Землёй! Его диаметр равняется шести тысячам трёмстам семидесяти одному километру. Я вычислил

это, пребывая здесь вот уже который месяц. В принципе, я могу сообщить об этом прямо сейчас, но в этом случае я рискую всей своей многолетней карьерой, своей репутацией: они отберут у меня всю славу, незамедлительно присвоив её себе. Что ещё более вероятно – так это то, что они выставят меня полным дураком; еретиком, который перемёрз на Марсе и несёт несусветную чушь. Но у меня имеются неопровержимые доказательства того, что Земля, Венера и Марс геологически ровесники равно так же, как и Луна с Меркурием – это я знаю точно – как из своих умозаключений, так и из достоверных источников. Я располагаю фактами; я не перегрелся и не брежу.

Я вспомнил себя семилетнего, только что принявшего ванну, и с превеликим интересом листающего ранним утром какой-то старый (и уж, конечно же, не глянцевого) журнал, иллюстрированный первым искусственным спутником земли, тандемом «Союз-Аполлон» и многими другими фотографиями. Я вспомнил себя семилетнего, в который уже раз вдумчиво читающего «Аэлиту» Толстого, жадно ищущего в тексте книги волшебные, диковинные слова «Талцетл» и «хамагацитлы», и воображающего себя частью всего этого. Я припоминаю себя постарше, лет десяти или одиннадцати, когда я зачитывался «Звёздными войнами», «Львами Эльдорадо» и «Луной двадцати рук». Вспоминаю, как лет в четырнадцать, в один из тёплых августовских дней я из подручных средств сконструировал подобие телескопа, дабы свои-

ми глазами лицезреть звёзды и планеты, усиленно вглядываясь сквозь увеличительное стекло, надеясь увидеть Сатурн и Марс. Я помню уроки физики Буланова Виктора Ивановича, учителя старой советской закалки, который очень интересно рассказывал про законы природы, про Ньютона и Максвелла, Томсона и Эдисона, подкрепляя свои слова проведением лабораторных работ.

Я вдруг остановился на мысли, что сейчас, на данный момент, мне очень не хватает женского тепла, женской ласки. Как бы хотелось опрокинуть голову ей на колени, и чтобы она гладила своей рукой мою голову – хотя бы это. По-настоящему расслабиться; почувствовать себя хоть раз обычным человеком, а не роботоподобным учёным, машинально выполняющим задания... Тяжело всю жизнь без женщины; очень тяжело. Но что это я? Выходит, я настолько устал сегодня? Нет-нет – так, минутная слабость; скоро я вновь войду в привычную для себя колею, и займусь полезным делом, которое отвлечёт меня от глупостей, что лезут в мою голову.

Спустя некоторое время я пришёл к выводу, что не всё так однозначно на Красной планете: я обнаружил гейзер, и взял пробу его воды на анализ. Какое счастье, какое облегчение: вода! Сильно щелочная, но всё же вода. У меня на борту есть специальная очистительная установка, которая уберёт всю щёлочь – предусмотрительным я был всегда. Я знал, я знал, что Марс меня не подведёт, не обманет: я слишком верил в него, чтобы всё время разочаровываться.

Я нашёл простейшие микроорганизмы, я разыскал подобие растительности и грибов – вот оно, разоблачение прежней действительности. Марс ещё жив; несомненно, он изрядно пострадал, выступив щитом для всех остальных, более близких к Солнцу планет, но его геологическая история ещё не закончена.

Неожиданно для самого себя я недавно наткнулся на чью-то заброшенную подстанцию – кто-то побывал здесь прежде меня, и это не марсоходы! Чья это едва приметная глазу сверхсекретная лаборатория? Землянин или инопланетянин корпел в ней? И почему-то сейчас я был уже не столь скептически настроенным в отношении НЛО, как когда-то.

Я вошёл внутрь, держа наготове *наноуглеродный скальпель* – мало ли, что меня ждёт в этом разбитом реакторе.

Помещение оказалось идеально чистым, даже стерильным: в нём отсутствовала пыль, отсутствовала паутина, отсутствовали насекомые. Всё было выстлано каким-то неведомым мне доселе сплавом тяжёлого металла – блестящего, серо-зелёного оттенка.

В помещении стояли какие-то металлические сундуки – столь же блестящие, тёмно-синего оттенка. Сундуки были запечатаны насмерть – будто кто-то приварил крышки, приварил на совесть.

Я не видел ламп, но мне было не темно: этот странный сплав излучал тепло и свет одновременно – свет не тусклый и не яркий; ровный, не мерцающий.

Чем дольше я блуждал по этим странным комнатам, соединённым не менее странными коридорами, тем больше мне становилось не по себе. Более того, у меня сложилось стойкое убеждение, что за мной следят.

Я ринулся назад, но я не слышал топота своих ног – я не слышал ничего; ни своего дыхания, ни своего сердцебиения. Выбравшись, я поклялся больше никогда не заходить внутрь этого остова; мне даже стало всё равно, чей он.

С тех пор я изменился окончательно и бесповоротно: вместо энтузиаста-первооткрывателя по Марсу бродит угрюмый, нелюдимый отшельник, которому суждено провести на Красной планете всю оставшуюся жизнь.

Последние два месяца я сам не свой; меня терзают смутные сомнения, отчаянные подозрения. Данные, которые необходимо хорошенько перепроверить, ибо то, что я увидел однажды в телескоп и продолжаю видеть ежедневно – нонсенс, абсурд.

Что-то с телескопом? Или обман зрения? Ни то, ни другое. Однако я непрестанно наблюдаю медленно увеличивающееся свечение; свечение в видимом красном, но, в основном, *инфракрасном диапазоне*.

Где-то в *глубоком космосе* происходит что-то *аномальное*, и я, дипломированный доктор наук, к своему стыду, смятению и огорчению не могу взять в толк, что бы это могло быть.

Тело (теперь именно что небесное тело) увеличивается слишком быстро; скорость, характерная скорее для кометы,

но только очень массивной. Что это? *Нибиру*, сошедшая с ума, сошедшая с орбиты?

К своему ужасу, я распознал в стремительно надвигающейся угрозе Антарес – да, он самый, собственной персоной. Что-то явно пошло не по канонам; это выходит как за рамки законов природы, так и за рамки моего понимания, моего прежнего восприятия действительности.

Как столь удалённый объект может так быстро приближаться? А его расширение? Разве оно не безгранично?

Почему Антарес не взрывается в *открытом космосе*? Почему не становится *белым карликом кислородно-неонного типа*? У всего же есть предел! Где типичная закономерность? Где правильная эволюционная последовательность? Где и в чём мы ошиблись?

Из своих наблюдений я заключил, что Антарес развёрнут к Марсу одним из своих полюсов, что чревато серьёзными последствиями – так, если эта красная смерть будет продолжать столь стремительно приближаться, то *полярными сияниями* это не ограничится, и планета будет вынуждена столкнуться с потоком *гамма-лучей* и прочих *космических частиц*.

«Если бы Антарес был на месте Солнца, то его объёмы простирались бы дальше орбиты Марса», вертелось у меня в голове.

Пока я рассуждал, Антарес вошёл в *облако Оорта*; двигаясь дальше, в сторону *рассеянного диска*, он поглотил *Седну*.

Расширившись ещё больше, он заполучил и *Эриду* – которая, как и карликовая планета *Плутон*, являлась одним из многочисленных объектов *пояса Койпера*.

– Ну, вот и всё. – Констатировал я вслух, уяснив, что ситуация окончательно вышла из-под контроля. – Теперь ему ничего не стоит пойти до конца.

Нептун, Уран, Сатурн – все в пасти огненного дракона – того, кто хуже *чёрной дыры*, кто не щадит никого.

Постепенно агонизирующая на последней стадии своего развития, красная звезда своими *протуберанцами* лизнула *Юпитер* – который сопротивлялся дольше всех, в конечном итоге нырнув в бездонную алую пропасть.

– Я не завидую своей участи, – Спокойно вымолвил я, выпрямившись во весь рост, хладнокровно и терпеливо дожидаясь своего конца. – Всё же стоило бы сообщить людям положение дел, дабы они подготовились, как следует.

Я стоял подле своего звездолёта, скрестив руки и наблюдая падение всей *Солнечной системы*: скоро, скоро *красный сверхгигант*, наигравшись обломками в *поясе астероидов*, коснётся Марса, и вот тогда...

«Красный – к красному», мысленно бредил я. «*Арес*, а ему навстречу – *АнтАрес*; как символично, не правда ли?».

Горизонт начало дёргать; он начал сильно дрожать.

– Жалко или не жалко мне людей? – Спросил я у самого себя. – Одни слишком невежественны для умственных щедрот моих, другие... Всё же они неплохие, наверное; это я –

другой, чужой.

Я призадумался: что пошло не так? Что произошло на самом деле? Почему Марс остыл? Почему он мёртв? Он же вращается! Склонение его оси почти такое же! Лёд и песок... Правда, две миниатюрных Луны вместо одной большой.

Безумец?! Пред ликом смерти я думал не о том, насколько мне будет страшно, насколько больно – нет, я продолжал размышлять о том, какая горькая участь настигла мою любимую планету! Планету, которая покровительствует мне по Зодиаку; планету, столь горячо любимую мной с детства.

Несчастный красный комочек; алый ангелочек... Тебе суждено быть съеденным коварным антиподом. Но мы умрём с тобой вместе, за миллионы километров от Земли... Сейчас *звёздный ветер* коснётся меня, и...

Удивительно, но я был почти уверен в том, что это конец! К счастью, я ошибся.

На подходе к Марсу Антарес вдруг остановился. Раздался столь сильный хлопок, что у меня полилась из ушей кровь – солёная, и отчего-то совсем не сворачивающаяся.

Я разжал веки, и своими собственными глазами различил на небе третью Луну – белую, как снег, и уже не горячую. Шарик медленно съёживался, остывая всё сильнее.

«Что было бы, если Антарес дошёл до Солнца?», думал и гадал я, хотя ответ я знал наперёд.

– Пора домой, – Кивнул я своему отражению в зеркале, улыбаясь – хотя улыбка эта была усталой и вымученной, ведь

я был на волосок от гибели.

Я завёл свой звездолёт, и полетел обратно.

Я благополучно приземлился в *ангар №...*, после чего поднялся в главное управление и швырнул им всем в лицо все свои дневники, анализы, отчёты; бросил на пол чемоданчик с колбочками, трубочками и прочими образцами. Всё! Пусть делают с этим всем всё, что захотят... Им с этим жить, а я умываю руки.

Я взял такси, и прибыл домой, чтобы отодвинуть занавески и открыть ставни – дабы сюда, наконец, зашёл свежий воздух, и выветрилась вся сырость.

Я подошёл к компьютеру и включил его. Дождавшись приветствия, я подождал ещё немного и открыл текстовый редактор – ровным счётом для того, чтобы написать эти строки.

Вы тоже мне не верите? Но я там был! *Космическая радиация* уничтожила всякую растительность на моём теле, а сам я хожу по Земле, всё ещё не веря, что «жэ» здесь девять целых и восемьдесят одна сотая, а не три и восемьдесят шесть.